

Как только Сяо Лин произнес эти слова, придворные испустили общий вздох облегчения.

Пока император не вошел во Дворец Вэйян, любое другое место казалось хорошим.

Жаль только Наследного принца Се: мало того что его силой затащили во дворец, так теперь ему еще придется угождать императору в скверном расположении духа.

Сяо Лин опустил голову, бросил взгляд на свое белоснежное исподнее платье, помедлил и приказал: — Переоденьте меня.

Переодевшись, он привел себя в порядок, расчесал волосы и собрал их в узел. Когда он наконец прибыл во Дворец Тайвэй, уже совсем стемнело.

Дворец Тайвэй был тихо заброшен, словно погребальный скроб.

Хотя повсюду развесили красные украшения.

Сяо Лин постоял в нерешительности у дворцовых ворот и лишь спустя мгновение шагнул внутрь.

Слуги молча занимались своими делами, но лица их сияли праздничной радостью — улыбки были широкими, точно в дни нового года. Однако присмотревшись, можно было заметить, что в их глазах нет и следа веселья, а лишь страх и предельная осторожность. Завидев приближающегося Сяо Лин, все до единого опустились на колени и отвесили поклоны.

Се Чжижун находился в главном зале.

Вспоминая события из романа, Сяо Лин уверенным шагом направился внутрь.

Юй Юйцюань услужливо семенил позади Сяо Линя. Видя, как спешит император, евнух решил, что тот одержим похотью, и втайне гордился своей сплошной исполнительностью.

Единственным изъяном было то, что Се Чжижун не вышел встречать государя у входа.

Заметив, как по мере продвижения вперед мрачнеет лицо Сяо Линя, Юй Юйцюань подумал, что тот гневается на Се Чжижуна за отсутствие подобающего приема. Хотя в тот момент они сами испугались, что Се Чжижун учинит покушение, и приказали связать ему руки, евнух, совершив самоуправство и боясь навлечь на себя императорский гнев, тут же поспешил переложить вину на другого: — Где этот Се Чжижун? Как он сме...

Остаток фразы застрял у него в горле — он больше не мог говорить.

Взгляд императора был настолько ледяным, будто он смотрел на покойника.

Сяо Лин повернул голову: — Что ты сказал? Повтори еще раз.

Сяо Лин не расслышал, что именно бормотал Юй Юйцюань, да впрочем, это было уже не важно.

Изначально Сяо Лин собирался разобраться с Юй Юйцюанем позже, но этот человек вел себя слишком нагло и суетился так усердно, что Сяо Лин чувствовал бы себя виноватым перед ним, если бы оставил его выходки безнаказанными.

Юй Юйцюань шлепнулся на колени: — С-слуга говорит... — он вдруг сообразил, в чем именно оплошал.

Се Чжижун!

Только что он назвал Се Чжижуна по имени.

Поскольку император лишил Се Чжижуна титула наследного князя, а затем выказал немалое раздражение, евнух решил, что повелитель разлюбил Се Чжижуна, а прежнее желание притащить его во дворец было лишь сиюминутной прихотью, которая уже прошла.

Судя по характеру Се Чжижуна, он никоим образом не был способен угодничать перед императором и уж точно не мог рассчитывать на его благосклонность. Юй Юйцюань и раньше питал неприязнь к Се Чжижуну — обладателю безупречной внешности и громкого имени при дворе, — так с чего бы ему уважать опального юношу?

Однако он никак не ожидал, что император станет так яростно защищать человека, которого в глаза не видел.

Ваше Величество, — вновь подала предупреждающий голос Система. — Юй Юйцюань — один из ваших приближенных сановников.

Разве тиран станет убивать министров, которые лишь говорят правду или преданы ему? Зачем ему казнить подлизу и сикофанта, который во всем потакает его воле и рассыпается в лести?

Ваш слуга... — у Юй Юйцюаня стучали зубы. — Слуга не смел называть по имени Наследного принца Се, слуга заслуживает десяти тысяч смертей! Умоляю Ваше Величество вспомнить о преданности слуги престолу, простить меня на этот раз и оставить мне никчемную жизнь, чтобы я мог до конца дней служить и умирать за Ваше Величество!

Сяо Лин смотрел на него, вспоминая, как позже Юй Юйцюань, уязвленный тем, что цензор Лу

Фэн уличил его в захвате крестьянских земель, сфабриковал ложное обвинение, бросил Лу Фэна в темницу и приказал опечатать усадьбу Лу, из-за чего более ста человек мученически погибли от голода.

После этого Юй Юйцюань велел послать Лу Фэну миску с мясом.

Миску, сваренную из мяса, срезанного с рук кровных родственников Лу Фэна.

Лу Фэн молча поклонился в сторону столицы, а затем этот негиббемый чиновник с твердым стержнем, перенесший жесточайшие пытки и не изменивший своих показаний, насмерть расшиб голову о стену.

Половина листа чиновной славы, кипящая кровь в жилах — в конце концов все это обернулось лишь циновкой для захоронения.

Роман — всего лишь вымысел на бумаге, но только столкнувшись с этим воочию, начинаешь понимать, что за каждым словом скрывается человеческая кровь.

Как тирану, мне ведь кажется вполне разумным казнить подчиненного за то, что тот посмел назвать по имени моего любимого фаворита, верно? — с улыбкой спросил Сяо Лин у Системы.

Спасибо Юй Юйцюаню за то, что он только что сам нашел себе статью обвинения.

Система, только собиравшаяся зафиксировать очередной грех: — ...

Кажется, и вправду вполне разумно.

Император холодно бросил: — Уведите.

Это приказание означало неминуемую смерть.

Стражники тут же схватили Юй Юйцюаня под руки и поволокли прочь.

Ваше Величество, Ваше Величество!

Вопли о помощи быстро стихли вдали.

Придворные содрогнулись от ужаса.

Кто же во дворецких покоях не знал, что этот евнух пользуется особой милостью императора?

И неужели его казнили лишь за то, что он назвал по имени Се Чжижуна?

Прислуга невольно покосилась в самый дальний угол, словно пытаясь разглядеть сквозь стены и окна того самого Наследного принца Се, который заставил императора потерять рассудок.

Четыре хуанмэньлана — каждый из них погряз в чудовищных грехах, и смерти их было мало даже сотню раз.

Оставалось еще трое.

Впрочем, их числом дело далеко не ограничивалось.

Подумал Сяо Лин.

Он замер у порога, постоял мгновение и толкнул дверь.

Стоило войти внутрь, как его ошеломило буйство красного цвета.

Не осталось ни единого уголка, который не был бы залит алым: красные шелковые ленты на балках, красные подушки на стульях, красные свечи на столах и, наконец, на постели — Се Чжижун в праздничном свадебном облачении. Даже тяжелые многослойные одежды не могли скрыть его стройной и подтянутой фигуры, а этот наряд вовсе не казался на нем громоздким, лишь подчеркивая его изящную статью, подобную присыпанному снегом зеленому бамбуку.

Сяо Лин невольно бросил взгляд на собственный темный халат.

Его собственная одежда... не слишком ли выбивалась из общей атмосферы?

Преодолевая страх, Сяо Лин шагнул внутрь.

От обилия красного цвета в комнате он не чувствовал ни праздничного веселья, ни намека на романтику — в голове крутилась лишь мысль: брызнувшая из разрубленной шеи кровь окажется такого же алого оттенка?

Слуги снаружи притворили двери.

Раздался скрип.

Для слуха Сяо Лин этот звук прозвучал словно заклинание смерти.

Сяо Лин медленно двинулся вперед.

Нефритовый жезл руи для поднятия вуали лежал на столе, но у Сяо Лин не было никакого желания прикоснуться к нему.

Его пальцы задели край фаты.

Под полупрозрачной тканью Се Чжижун сидел абсолютно неподвижно.

Что так — удар ножом, что эдак — удар ножом; раз дошло до этого, в любом случае не избежать гнева Се Чжижуна.

Се Чжижун не пощадит его собачью голову только потому, что император не стал поднимать фату.

Хотя речь шла о великой радости — поднятии покрывала в брачной спальне, — Сяо Лин умудрился придать этому процессу трагический оттенок человека, героически шагающего на плаху.

<http://bllate.org/book/26821/3222671>